

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ VI – XIII ВВ. ЧАСТЬ II

С. А. Васютин

TRADITIONAL AND INNOVATIVE MECHANISMS OF GOVERNING IN NOMADIC SOCIETIES OF CENTRAL ASIA IN THE 6TH – 13TH CENTURIES. PART II

S. A. Vasyutin

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.

Во второй части статьи характеризуются особенности функционирования власти у кочевников Центральной Азии VI – XIII вв. в зависимости от степени сложности кочевых сообществ. Исследование проводится на основе сравнения характерных черт власти на кланово-племенном уровне, в кочевых вожествах и раннегосударственных образованиях в период их зарождения у кочевников. В статье показано, что трансформация основ власти у кочевников предполагала не только замену одной управленческой практики на другую, но и сочетание более архаичных и продвинутых форм политической деятельности. В ходе сравнительного и функционального анализа выявлено, что при переходе к более сложной организации политических режимов у средневековых кочевников, сохранял свое значение, а порой играл и базовую роль, комплекс традиционных установок и действий, связанный с опытом племенного управления. Инновационные институты власти в имперских политиях кочевников не имели устойчивого характера, если отсутствовали фискальная эксплуатация оседлого населения, города, торговля и иерархия административного аппарата.

Part II of the paper reveals the peculiarities of the Central Asia nomads' governance system in the 6th – 13th centuries in relation to the nomadic communities' complexity. The research compares the governance characteristics on the tribe level in nomadic chiefdoms and early nomads' state formations during the period of their emergence. The paper demonstrates that the transformation of nomads' governance system bases consisted not only in replacing one governance practice with another but in combining some more archaic and developed forms of political activity. The comparative and functional study showed that the traditional attitudes and acts related to the tribe governance experience remained significant and played the main role at times during the transition to more complicated organisation of political regimes in the Middle Ages nomads' societies. The innovative tribal governance institutions in nomads' imperial polities were not stable without a fiscal exploitation of the settled population, towns, trading and administrative apparatus hierarchy.

Ключевые слова: традиционная племенная система правления, кочевое вожество, инновации в управлении кочевых империй.

Keywords: traditional tribal governance system, nomadic chiefdom, innovations in the nomadic empires governance.

Сложносоставной характер управленческих институтов кочевников делает перспективным применение системных принципов анализа властных структур в кочевых империях. Системный анализ будет применен в отношении ключевых компонентов политических структур кочевых империй: традиционной клановой системы правления, трансформированной власти в имперских вожествах и инновационных для кочевников раннегосударственных институтов. Стоит отметить, что обобщенные оценки власти в кочевых империях не учитывают специфики отдельных кочевых империй, но в рамках этой части статьи мы будем выделять как общие так и специфические черты политических институтов имперских образований центрально-азиатских кочевников в Средние века и соответственно будет дана характеристика особенностей клановой, вожедской и раннегосударственной власти у кочевников VI – XIII вв. При этом очевидно, что в каждой кочевой империи соотношение указанных типов власти было разным и могло динамично меняться как в сторону усиления вожедских и раннегосударственных компонентов, так и в сторону ослабления имперской организации и клановых принципов управления.

В свое время А. М. Хазанов предложил достаточно дифференцированную классификацию кочевых объединений [21; 20]. Она не отличалась четкостью, вклю-

чала как конкретные общества, так и модельные варианты, но, что важно в рамках темы данной статьи, уделяла особое внимание путям перехода к более сложным формам организации власти.

Наряду с племенными структурами и сегментарными сообществами у кочевников евразийского типа, примерами которых А. М. Хазанов служили печенежское и огузское объединения, он выделяет «вожества» или «стратифицированные общества». Особенности управления кочевых вожеств ученый видел в узости (по сравнению с оседлыми обществами) функций централизованного управления и в меньшей централизованности степных социумов, в не теократическом характере вожедских структур, в отсутствии эффективных средств предотвращения распада. Тип руководства в кочевых вожествах А. М. Хазанов определяет как «ситуационный», так как в обществах с неразвитой социальной дифференциацией централизованная власть могла возникать только в силу благоприятных обстоятельств. В этой связи он также отмечает абстрактность применения к предводителям кочевых типов власти, которые выделил М. Вебер: одни лидеры «в отношении своего происхождения и характера власти были традиционными, но могли приобрести харизму в результате успешности своей деятельности», другие, напротив, «обладая харизмой, смогли с ее помо-

щью добиться руководства традиционными формами социальной организации кочевников». Бюрократический тип власти возникал только «в результате завоевания оседлых областей и только с помощью уже существующей там бюрократии» [20, с. 281 – 284, 297 – 298].

Высший уровень политической организации nomadов ученый связывал с государством. Анализируя властные структуры кочевых объединений степной Евразии, А. М. Хазанов подчеркивает, что многие nomадные образования средневековья прошли через «горнило государственного существования» [20, с. 289, 296]. Поскольку во взаимодействии с внешним миром «политическое» доминирует над «социальным», именно возникновение государства А. М. Хазанов считал главным способом адаптации nomадов к воздействию оседлого населения. В структурно-функциональном отношении исследователь отличает от собственно государства так называемые ситуационные государства. Этим термином он обозначал кочевые государства, возникшие «без завоевания и покорения оседлого населения». Такие образования, как и «ситуационные вожества», были лишь «краткосрочными эпизодами в истории» и появлялись накануне или в период завоевания. Полноценным государством становилось только после развития устойчивых форм подчинения покоренного населения. Ситуационные государства nomадов А. М. Хазанов обозначает как «зарождающееся раннее государство». Потенциально, как полагал исследователь, подобные объединения могли развиваться в более сложные и стабильные государственные системы, но, как уже указывалось, только тогда, когда конфликт и властные полномочия выносились во внешний мир, за пределы степных социумов, т. е. тогда, когда завоевания приводили к интеграции кочевого и оседлого миров. Но такие государства «могут только условно считаться кочевыми», только в том смысле, что «они были основаны кочевниками», или «кочевники занимали в них доминирующие позиции» [20, с. 450 – 451].

А. М. Хазанов также выделил три типа кочевых государств (исключая «ситуационные государства»), три, как он пишет, «упрощенные теоретические модели». Государства первого типа представлены двумя вариантами: 1) nomады, оставаясь в степи, контролируют земледельцев военно-политическими средствами, и зависимость оседлого населения от кочевников в основном сводилась к вассально-данническим формам (при этом аристократия для простых nomадов выступала как руководящее сословие, опиравшееся на механизмы редиистрибуции); 2) кочевники и оседлое население входят в единое государство, возникают два правящих класса (новый кочевой и старый оседлый), существенно возрастает эксплуатация крестьянства, но рядовые кочевники сохраняют свое социальное положение и свою роль основной военной силы.

В государствах второго типа кочевое и оседлое население интегрировано в политическом и географическом отношении, образуя две субсистемы в социальной плоскости, однако более интегрированные, чем в первом случае. Социальные позиции nomадной аристократии и правящей кочевой династии основываются уже не только на эксплуатации оседлой части подданных, но и на разных формах зависимости части рядо-

вых кочевников. В этом случае, как считает исследователь, кочевая субсистема дифференцируется на многочисленные группы, одни из которых оказываются приближенными к правящему классу, а другие попадают в разные формы зависимости, превращаясь иногда в отсталое социальное сообщество и даже в этническое меньшинство. Для государств третьего типа характерно возникновение «единой социальной, экономической и политической системы, в которой происходит интеграция кочевников и земледельцев», и формирование «социальных различий по направлениям, в основном совпадающим с экономической специализацией и вдобавок зачастую связанным с этническими различиями». Данный тип условно кочевой государственности проявляется гораздо реже, чем первых два, а потому А. М. Хазанов обозначает его скорее как тенденцию, которая может сочетаться с общественно-политическими процессами, присущими первому и второму типу кочевых государств и редко выходит на первый план [20, с. 457 – 459].

Таким образом, как на примере модельного подхода, так и на уровне изучения конкретных кочевых обществ выявляется весьма разнообразная картина институтов власти. Она будет еще более дифференцированной, если к этому прибавить информацию о путях, факторах и механизмах усложнения политических систем в разных nomадных образованиях и кочевых империях. В силу этого возникает острая необходимость зафиксировать традиционные механизмы управления, восходящие к племенной традиции, а уже затем рассмотреть инновации в управленческой практике, оформлявшиеся в результате интеграции кочевых племен в более масштабные сообщества и усложнения управленческих структур.

В общих чертах наиболее характерные черты (компоненты) традиционной племенной системы правления включали: клановый характер лидерства (традиционный авторитет старшего в клане, патронимии); руководство собранием клана и / или линиджа, принятие судебных и иных решений; главенство в набегах и оборонительных действиях; сочетание в управленческой практике реципрокации и редиистрибуции, престижная экономика охватывает максимальное число членов племени; ограничение сакральных полномочий лидера кланово-племенным уровнем и соответствующими религиозными традициями и ритуалами; подчинение глав клана (племени) основано на традиционном восприятии его полномочий и лично авторитете правителя; отношения власти и населения регулируются традициями (обычное право, бытовые и военные ритуалы).

Как уже подчеркивалось выше, в более обширных сообществах nomадов (племенные союзы, кочевые империи-вожества) эти традиционные компоненты в подавляющем большинстве случаев сохраняли прежнюю функциональную роль, приобретали гораздо больший размах или трансформировались под новые управленческие задачи, оставаясь базовыми по своему характеру компонентами в политической культуре кочевников.

В первую очередь речь идет о редиистрибутивных функциях власти, так называемой престижной экономике, которую формирует несколько типов связей:

1) правитель – представители правящего клана – придворная аристократия; 2) правитель – племенные лидеры; 3) правитель и доминирующая этническая группа; 4) племенной лидер – племенная знать – другие представители его линиджа.

Во всех случаях это ключевые политические связи, определявшие устойчивость империи и эффективность управления ею. Наглядно это показывают материалы по истории Тюркских каганатов.

Успешные военные акции и редистрибутивные раздачи материальных благ обеспечивали престиж каганам и способствовали сакрализации власти верховных правителей каганатов, превращались тем самым в важнейший ресурс управления. Тюркская элита получала от каганов значительную часть «даров» из Китая, поставляемых в ставку. Правда, ресурс этот, как показывает пример сюнну [12, с. 108 – 109], был весьма ограничен и распределялся только среди ближнего круга родственников, аристократии, дружинников и наиболее лояльных племенных вождей. Наряду с этим сподвижники каганов получали определенную долю военной добычи и доходов от торговли шелком, личные подарки от кагана (оружие, лошади, украшения) и престижные должности в окружении кагана и армии. В тоже время целенаправленные действия каганов по обеспечению постоянного функционирования эксполитарной эксплуатации были сориентированы и на рядовых кочевников, приобретавших в ходе завоеваний новые пастбища и часть военной добычи [12, с. 321]. Выступая в роли своеобразного «банкира», каган должен был удовлетворить в рамках кочевой империи максимальное число кланово-линиджных групп, чтобы сохранить свое влияние на них. Все это вписывалось и / или дополняло другие структуры управления (военная иерархия, наместники и гарнизоны в завоеванных землях, суд).

В какой-то мере эту же цель преследовала характерная для тюркских правителей демонстрация богатства, особенно во время официальных мероприятий и ритуалов (военные сборы, религиозные праздники, прием послов, похороны каганов и высших сановников). Особенно показательно описание приема византийского посла Земарха, во время которого представителю Византии демонстрировались богатства кагана [19, с. 76]. Публичность таких процедур должна была способствовать созданию ореола престижности и успеха вокруг каганов.

Как и у других кочевников, становление централизованных имперских структур у тюрков происходило путем консолидации кочевых социумов в единый «политический организм» в ходе военных столкновений с соседями, набегов и завоеваний, формирования системы контроля за покоренными народами [3; 4, с. 61; 10, с. 150 – 151; 11, с. 162 – 166; 13, с. 115 – 123, 148 – 155, 173; 9, с. 151 – 156, 177 и др.]. Это во многом предопределяло преобладание военных функций власти над гражданскими. Война превращалась в один из главных инструментов престижной экономики.

Реализация каганом редистрибутивной политики предполагала наличие у него других иррациональных качеств – харизмы, военной удачи. Архитипичные черты тюркской культуры распространяли этот стереотип на все общество, в котором мужчины должны были

выступать как «мужи-воины», носители «героических мужских имен» [8, с. 473 – 475]. В связи с этим возникает вопрос, насколько наличие военно-иерархических структур способствовало поддержанию прочного авторитета каганов. С одной стороны можно предполагать существование у тюрков довольно жестких дисциплинарных форм в армии, что давало в руки верховного кочевника дополнительные инструменты управления, тем более что армейское командование включало не только клановых лидеров, но и назначаемых каганами военачальников, строго подчинявшихся его распоряжениям. Как показывает пример болгарских военно-правовых традиций, вероятно, зародившихся еще в период пребывания болгар в составе Первого Тюркского каганата, в тюркской армии существовала жесточайшая система наказаний за «дисциплинарные преступления», которые чаще всего сводились к смертной казни. В тюрко-болгарской армии смертная казнь предусматривалась за бегство во время сражения, за халатность во время несения пограничной службы, за небрежную подготовку военной экипировки и др. [7, с. 35]. Кроме того, в тюркской армии, как уже указывалось выше, порой в гипертрофированной форме процветала героизация военных подвигов, утвердились специальные ритуалы и культы. Не случайно в сохранившихся надписях Таспар-кагана, Капаган-кагана, Тоньюкука, Кюль-тегина, Бильге-кагана так много места отведено прославлению военных подвигов.

С другой – китайские хроники крайне низко оценивают дисциплину и организацию военного дела в тюркской армии [16, с. 37, 45]. При всей предвзятости хронистов, проистекавшей из сравнения тюркской военной организации с китайской, следует довольно осторожно оценивать уровень управляемости разнородной армии тюрков и ее сплоченности. Видимо, власть в кочевых империях отличалась еще одним свойством, характерным для догосударственных форм потестарно-политической организации – непостоянством, быстрым переходом от централизации к центробежным тенденциям, и, главное, прямой зависимостью от личности правителя и от успешности его внешнеполитических акций. Стабильный механизм управления в каганатах так и не был создан. Даже полифункциональный характер власти тюркских каганов (сакральный и военный лидер, представитель интересов каганата во внешнеполитических связях, распределитель материальных благ и престижных ролей в управлении, верховный судья и т. д.) не мог обеспечить ее устойчивости.

Другим традиционным компонентом власти кагана была ее сакрализация. Демонстрация божественного происхождения доходила до открытой пропаганды. Весьма показательны в этом отношении орхонские тексты, где неоднократно подчеркивалась сакральность власти кагана («неподобный», «небом рожденный», «небом поставленный» [17, с. 33, 37, 39; 8, с. 62, 245; 9, с. 41, 42, 44, 60, 89 и др.], ее неотделимость от верховного божества Тенгри [2, с. 71 – 72]. Сходную форму позиционирования своей власти верховным правителем тюрков фиксирует Суй-шу в письме кагана Шаболуе суйскому императору Гао-цзу: «...в год дракона рожденный Небом, мудрый и священный сын Неба Великой империи тучное...» [16, с. 50]. Реальная са-

кральная практика каганов также получила отражение в источниках. В частности в Синь Тан-шу упоминается ежегодные ритуалы принесения жертв Тенгри и предкам тюрков, в которых каган исполнял функции верховного священника [16, с. 22].

Сакрализация не ограничивалась временем правления того или иного кагана. В монументальных погребальных сооружениях, сотнях балбалов, стелах с надписями «проявлялись» посмертные формы обожествления каганов, «переносившие» престиж власти на их приемников. Каждый погребально-поминальный комплекс политических лидеров Второго Тюркского каганата (в одном случае – Бугутский памятник – и Первого Тюркского каганата) превращался в культовый центр. «Стелы с изображением дракона сверху и подставкой в виде черепахи» были символами «мифологического Мирового столпа» [2, с. 101]. Одной из задач погребально-поминальных памятников тюркских каганов была также пропаганда успехов политических лидеров каганата. В комплексе древнетюркских надписей важное место занимает прославление каганов Первого и Второго Тюркских каганатов – Бумыня, Истеми, Ильтериша, Капагана, Бильге [17, с. 36 – 37, 39; 8, с. 52, 61 – 63]. Аналогичные панегирики мы встречаем и в текстах Уйгурского каганата [9, с. 41, 43, 44, 60 – 66]. По-видимому, в управленческой практике тюркских каганов огромное значение имели наставления наследникам, аристократии, простым кочевникам (надписи Кюль-тегина и Бильге-кагана), демонстрация позитивных образцов поведения для молодых воинов, что особенно характерно для семейно-клановых устоев [4, с. 332, 336 – 338; 2, с. 99; 8, с. 81]. Эпически-назидательный тон орхонских надписей апеллировал к глубинным ментальным корням мировоззрения кочевников, поддерживая архаичные культурные традиции общения между «кара бодун» (народом) и властной элитой.

Вне всякого сомнения, в кочевых вожествах-империях традиционный компонент усиливался, сохраняя свое ведущее значение, и не противоречил инновационным практикам. Можно попытаться непосредственно определить характерные черты власти в подобных объединениях кочевников:

- надлокальный уровень централизации в виде военно-иерархической десятичной (или аналогичной) системой с соответствующим распределением власти между членами клана правителя и лидерами подчиненных племен;
- надплеменной кочевой лидер с широкими полномочиями в военно-административной, а иногда судебной и сакральной сферах, а также с опорой на дружинное окружение;
- сохранение личностного характера верховной власти, ее устойчивость зависит от успешности политических и военных практик (харизмы);
- сочетание клановой и имперской сакрализации верховной власти;
- территория военно-административных округов, как правило, совпадает с этническими границами.

К этим компонентам мы можем добавить ряд новаций, которые показывают, что в условиях обширной кочевой империи характер власти претерпевает трансформацию:

- кодификация обычного права с деформацией обычно-правовых норм в сторону увеличения полномочий верховной власти и развитием системы имперского подчинения и принуждения;
- иерархическая система зависимости этнических групп;
- вертикальное подчинение и жесткая дисциплина в армии, как средство реализации нетрадиционных форм власти;
- военные сборы как средство контроля за подчиненными кочевыми народами и место выполнения общеимперских ритуалов и обрядов;
- аккумуляция редиистрибутивных связей в аристократическом и служилом окружении кагана;
- развитие и постоянно растущая роль экзополитарных механизмов получения прибавочного продукта;
- широкое использование письменности в политической практике, оформление идеологием, построенных вокруг доблестного кагана-военачальника и медиатора (посредника между небом и номадами), стоящего во главе эля, объединившего кочевые народы (в контексте содержания надписей «эль» может быть интерпретирован и как империя, и как конкретная этнокультурная общность).

Помимо бытовых и коротких поминальных надписей, которые являются свидетельством широкого распространения письменной культуры, тексты, связанные с каганом и его ближайшим окружением, отражают насущность для элит кочевых империй трактовки военно-политической и этнической истории, оценки деятельности предшественников, героических подвигов того, кому посвящена надпись. Мы можем видеть, как конструируется образ героя-победителя, история империй в прошлом и настоящем, навязывается имперское единство и даже «общая» этничность («народ токуз-огузов был мой собственный народ», «тюркешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа» – [17, с. 38]). Следует также отметить определенную трансформацию, подчеркивающую возрастание роли идеологических текстов в степных сообществах Центральной Азии Раннего Средневековья. Если тюркские поминальные рунические тексты подводили итоги правлений каганов (Бугутская стела, надпись Билге-кагана) и их советников (надписи в честь Кюль-тегина и Тоньюкука), то уйгурские воспевали славу действующих каганов, а установленные камни с надписями маркировали каганскую или завоеванную территорию («В год Дракона... я провел лето посередине Отюкена, к западу от ...Ханской Священной вершины... свои вечные письмены и знаки здесь на плоском камне я повелел вырезать...» – [9, с. 41]; «...я приказал учредить ставку в Касар Кордане, что у верховьев реки Тез, на западном склоне Отюкена. Я приказал воздвигнуть там стены и провел лето. Там я установил границы (моих владений). Там же я приказал вырезать мои знаки и мои письмены» – [9, с. 63]). Тем самым, камни с руническими надписями из назидательных эпитафий превращаются в пропагандистский символ величия и господства новых хозяев степи. Идеологическое значение таких текстов хорошо понимал основатель империи Ляо Абаоцзи. Во время похода в Монголию в 924 – 925 гг. он приказал стереть одну из надписей уйгурского кагана и начертать надпись, прославлявшую его деяния

на киданьском, тюркском и китайском языках [22, с. 576].

Таким образом, кочевые вожества (компаундные, суперсложные) были прообразом и аналогом переходных к государству моделей политической организации земледельческих обществ, в них традиционная племенная система правления преобразовалась в более иерархичную и сложную структуру с расширенными полномочиями верховного правителя. Однако, в крупных степных центральноазиатских политиях VI–VIII вв. (Жуань-жуаньский, Восточно-тюркский и Второй Тюркский каганаты) попытки «совершить шаг» в сторону государства вызвали кризис и крах империй. Исключением, пожалуй, являлся только Уйгурский каганат, в котором, по всей вероятности, возникли неустойчивые элементы ранней государственности. Возросшая, благодаря торговли, роль согдийцев в этой кочевой империи, привела к расширению административных и фискальных функций в городах, а затем и в землях, подчиненных кочевых и оседлых народов. Принятие элитой каганата манихейство обеспечило еще больший доступ согдийцам к властным институтам. Некоторые из них возвышались до статуса министров и влиятельных вельмож. Особую социальную страту составляли манихейские священники. Торговые пошлины, «дары» из Китая и налоги обогащали не только клан правителя, но и усиливали доходы и влияние уйгурской аристократии [1]. Японский исследователь Н. Ямада полагал, что в Уйгурском каганате города и городская жизнь создали базу для власти сильного правящего класса [23, с. 239]. Но эти изменения ослабили позиции рода кагана, поскольку его власть уже не была исключительной [23, с. 149 – 150]. Это во многом объясняет противоречия в уйгурской элите и быстрый разгром каганата кыргызами.

В наиболее сложных кочевых империях, помимо значительного влияния традиционных управленческих практик, происходит их синтез с инновационными (ранне)государственными компонентами. Подобные процессы наблюдались в державе Караханидов, Ляо, империи Юань, Золотой Орде, государстве Хулагуидов. В таких империях функции кланового лидера постепенно растворялись в многообразных политических практиках развитой государственной власти. Однако, усвоение кочевниками опыта земледельческих элит по сбору налогов и пошлин, созданию административных институтов и бюрократии требовало апробации инновационных практик несколькими поколениями номадов. Показательна в этом отношении эволюция элит в империи Ляо. Абаоцзи, несмотря на захват ряда территорий с оседлыми жителями (Бохай, ряд округов северо-восточного Китая), по традиции прибегал к даням и дарам шелком и грубым полотном [5, с. 240; 6, с. 56 – 57]. Только сведения о существовании в родовых землях киданей ханьских поселений, основании китайскими мигрантами и пленными городов, официальных учреждений, торговых мест, добычи соли и железной руды [5, с. 42, 43, 348, комм. 11; 6, с. 47; 18, с. 187], позволяют предполагать, что в отношении китайских анклавов фискальная деятельность носила иной характер. В пользу этого говорит и привлечение Абаоцзи к управлению выходцев из китайской среды. Но этот опыт не распространялся на покоренных кочевников и

тем более на киданей. Ситуация мало менялась при следующем правителе Ляо Дэгуане, получавшем из Поздней Цзинь и других царств на территории Китая шелк, золото и колесницы [18, с. 198]. И только успешный захват его армиями в 936 г. и 947 г. цзиньских территорий вынудил киданьского правителя начать создание южной администрации для управления многочисленным китайским населением. Но опять же киданями и другими кочевниками управляла северная администрация, которую возглавили представители киданьской аристократии из кланов Елюй и Сяо. Существенных трансформаций в управленческой деятельности киданьских элит не произошло. Они и так получали огромные доходы (дары императора, доли налогов и пошлин, собираемых южной администрацией, военная добыча, дани, откупные выплаты китайских царств). Только в период правления императора Шэн-дзуном (982 – 1031) и «вдовствующей императрицей» Яньянь стала очевидна потребность и в киданьской бюрократии. Не случайно Шэн-дзун не только разрешил восстановить систему экзаменов для пополнения чиновничьего сословия (988 г.), но и открыл учебные заведения для киданьской знати. К этому времени возросла государственная эксплуатация рядовых номадов (выпас государственных стад, пограничная служба, фискальные поборы) [14, с. 10, 12; 15]. В итоге к началу XI столетия в Ляо окончательно оформились специфичные (дуальные) государственные структуры, а управление номадами стало приобретать отчетливый государственный характер.

Длительными были процессы адаптации к государственным методам управления и в других завоевательных империях. В Монгольской империи и монгольских улусах устойчивые государственные институты (налоги и соответствующий аппарат чиновников) появились не ранее середины – второй половины XIII в. В целом исследование процессов перехода кочевых империй к государственности позволяет выделить ряд инновационных компонентов в политической жизни таких политий: правитель с широкими политическими и ритуально-сакральными функциями, синтезирующий образы кочевого лидера и «царя» земледельцев; все взрослые мужчины клана правителя рассматриваются как носители власти; тенденция к формализации государственной практики (официальное делопроизводство), к ее более рациональному характеру; полиэтничный государственный аппарат с четким разделением функций и разветвленной иерархией; синтез редиистрибутивных механизмов и государственной политики; широкое использование налоговых и пошлинных практик, заимствованных из опыта земледельческих государств; сохранение автономии кочевников (основа армии и опора власти) с использованием в отношении них специальных механизмов управления.

Выводы

Власть в кочевых обществах, особенно в крупных объединениях имперского типа, представляла собой сложное и структурированное историческое явление. В номадных империях компоненты традиционной системы власти создавали базис для управленческих практик кочевых лидеров. Одновременно с этим масштабы имперского руководства вызвали к жизни не только

трансформацию традиционных компонентов власти, но и определенные новации в методах правления. Данный синтез отражает специфику кочевых надплеменных объединений и вождей, контролирующих преимущественно степные территории. Пример Уйгурского каганата показывает, что трансформация власти в таких сообществах могла достигать раннегосударственного статуса, но это вело к обострению противоречий между разными группами элиты, прежде всего из-за ограниченности ресурсов в степи, и краху имперских структур под воздействием как экзогенных, так и эндогенных факторов. Устойчивость государственных практик обеспечивалась только длительным процессом усвоения управленческого опыта земледельческих народов,

необходимость в котором возникала только при завоевании территорий с оседлым населением. Отдельный вопрос об адаптации данного опыта в отношении собственно кочевников. Во всех завоевательных империях Центральной Азии он применялся ограниченно, никогда не реализовывался в полном объеме. Объяснялась ограниченность государственных методов управления не только тем, что рядовые номады составляли основу армии, но и сохранением традиционных установок и практик кочевых элит, тесной религиозно-ритуальной и социокультурной связью между неоднородным «правлящим классом» и номадами, регулярно возникающими в элитной среде опасениями утратить кочевую идентичность.

Литература

1. Васютин С. А. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н. э. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 11. С. 28 – 34.
2. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. М.: Наука, 1996. 152 с.
3. Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Ч. I. Доклады за 1958 – 1961 гг. Л.: ГО СССР, 1961. С. 15 – 26.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 527 с.
5. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.
6. История Железной империи. Новосибирск: Ин-тут археологии и этнографии СО РАН, 2007. 178 с.
7. Из ответов папы Николая I на вопросы болгар... // Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3-х т. Т. I: Эпоха феодализма. Минск: Изд-во БГУ, 1987.
8. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
9. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
10. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
11. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
12. Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 311 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
14. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгай-балгас. М.: Восточная литература, 2011. 173 с.
15. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Киданьские города конца X – начала XI вв. в Центральной Монголии и социальные процессы на периферии империи Ляо // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2013. № 2(22). С. 53 – 58.
16. Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. с нем. В. Н. Добжанского, Л. Н. Ермоленко. Бюллетень Общества востоковедов. Приложение I. М., 2002. 126 с.
17. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: АН СССР, 1951. 112 с.
18. Оуян Сю. Записи по истории Пяти династий // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1984.
19. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. 97 с.
20. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 604 с.
21. Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XXVIII + 369 p.
22. Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907 – 1115). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.
23. Yamada N. Kita Azia yuboku minzoku shi kenkyu (The Study of the history of Nomadic peoples in North Asia). Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 1989. 259 p.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, 8(484-2) 58-33-97, vasutin@history.kemsu.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of the History of Civilizations and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.